

«Доктор обязан верить в лучшее»

СОБЕСЕДНИК

Председатель Ассоциации реставраторов России Савва Васильевич Ямщиков в Ярославле – пропустить такую возможность и не поговорить о проблемах не только ярославских, но и общекультурных было нельзя.

Вслед за хлестким комментарием ситуации с кадрами, которых лишился в последнее время департамент культуры области (об этом наши публикации 11 марта и 21 мая с. г.) он сделал неожиданное заключение:

– Состояние памятников у вас в Ярославле по сравнению с тем же Псковом я обозначу так: у вас оазис благополучия. И всё благодаря специалистам, которые занимались этим в течение многих лет. Уволенные, они никуда не делись с Ярославской земли, и я верю: ещё вернутся. Так что прорвёмся.

– Верите? Значит, вы всё-таки оптимист?

– Я доктор, лечу памятники. А доктор обязан верить в выздоровление больных. Замечать Татьяну Васильеву, уникального специалиста, никем нельзя, но рядом с ней росли и работали другие люди, наверное, они воспринимали её отношение к делу, к профессии – все вместе они сделали много. Хотя, конечно, не всё, что хотели, что было нужно.

– Судя по вашим выступлениям в печати, по телевидению, у нас в стране не только экономический кризис, но и духовный. А говорят о нём меньше и всеобщего похода против него не объявлено.

– Я принадлежу к той части общества, которая двадцать пять лет уже живёт в кризисе. Не деньги определяют жизнь, а нормальный душевный настрой, вера. Все наши проблемы, в том числе с охраной памятников, – это последствия злокачественной «демократии». Всех учит жить телевидение, а кто сейчас на телевидении? Ксюша Собчак. Что показывает канал «Культура»? Циничных полуписателей и т. п. А часто ли увидишь и услышишь таких людей, как мой друг народный артист СССР Володя Васильев? Разве что по печальным поводам, в последний раз я видел его на экране, когда умерла Катя Максимова. Мы с Володей выросли в бараках, Катя выросла в семье репрессированных, но мы, да не только мы, вся страна понимали, что такое хорошо, что такое плохо. Нас война ранила в тело, а не в душу. Сразу после войны, когда огромная страна лежала в руинах, была принята программа первоочередного восстановления пятнадцати исторических городов, в том



фото Натальи БОРОДИНОЙ

числе парков и дворцов Ленинграда. Вдумайтесь в это: люди живут в землянках, голодают, а исторические города встают из пепла. Все понимали, что они значат, и они были восстановлены.

– Это было время ваших учителей. Наверное, всё давалось им тоже непросто. О скверном характере Петра Дмитриевича Барановского ходят легенды.

– Барановский, Корин, Грабарь – каждый из них был для меня, для нас всех высочайшим авторитетом. Да, плохой характер, да, мог сказать где угодно и что угодно, но их ценили, уважали, им доверяли, потому что даже неспециалисты понимали значение их труда. Наша профессия – штучная. Реставратор, исследователь памятников – таких много не бывает. А сейчас какое отношение к людям нашей профессии? Иногда просто потрясающее – презрение.

– Ну уж прямо-таки презрение!

– А как иначе назвать? Псков уничтожен больше, чем в сорок четвёртом году, когда фашистов оттуда выгнали: корёжат древние памятники, всё заросло, грязь, в двадцати метрах от уникального памятника пятнадцатого века выстроили четырёхзвёздочную гостиницу. Под Москвой на наших глазах уничтожена усадьба «Абрамцево». Недавно я две

недели провёл в Суздале – и его уже начали уничтожать современными постройками, сжигать остатки старины. Как иначе назвать происходящее, если не презрением к хранителям культуры и самой отечественной культуре?

вильно сказал человек, который принёс много горя нашей стране, но сказано точно. На Псковщине в идеальном состоянии Пушкинский заповедник в Михайловском. Он был уничтожен фашистами и восстановлен Семёном Степановичем

Когда в девяностые годы Церкви стали возвращать отобранное, мы, человек пятьдесят деятелей культуры, написали письмо в поддержку реституции, но предупредили об опасности: нельзя делать это большевистскими методами, то есть снова рубить по живому. Нужно добиваться взаимопонимания между музеями и Церковью. В Ярославле на удивление удаётся обходиться без конфликтов. Достигнутое согласие с Толгским монастырём – пример для многих. Я в Пскове сказал: поезжайте в Ярославль к Татьяне Васильевой, поучитесь, как это делается.

– Что-то хорошее, значит, всё-таки есть? Крупицы опыта, самоотверженность деятелей культуры. Примеров сколько угодно. Вам лично удалось возродить сотни произведений иконописи, сделать достоянием наших современников уникальное собрание ярославских портретов XVIII – XIX веков, да и не только ярославских, вернуть многие забытые имена художников. Вы не раз называли своими близкими друзьями людей, которые работают в разных областях культуры: артиста балета Владимира Васильева, актёра и режиссёра Василия Ливанова, киноактёра Юрия Назарова, угличского священника и художника отца Рафаила (Симакова).

– Кадры решают всё. Пра-

Гейченко, который в течение многих лет был потом его хранителем. После него туда пришёл Георгий Николаевич Васильевич. Трудно, наверное, когда тебя всё время сравнивают с твоим предшественником, но он сумел. Васильевич продолжает все гейченковские дела. Кроме того, он прекрасный хозяйственник и порядочный человек, а значит, кому-то поперёк горла. Районные власти «шют» ему сейчас уголовку – при асфальтировке вдруг куда-то пропали 170 тысяч рублей. Я начал за него бороться, подплёка ясна: он ведь просто не даёт там строить виллы.

– А к новому строительству в Москве как относитесь?

– Всё, что в Москве сейчас строится, это Дубаи сорокалетней давности. Поймите меня правильно, новое – не значит плохо. Другое дело, что в исторических городах к нему должен быть особый подход. В Петербурге есть прекрасные новоделы, которые почти не отличаются от петербургских построек XIX века или по крайней мере их достойны. Дело не в том, чтобы сделать такое же окно или такую же крышу. В Петербурге, Пскове, Ярославле, везде нужно сохранять дух города. Восстанавливать творческий настрой людей. А когда он уже присутствует, беречь его и поддерживать.

Беседовала
Татьяна ЕГОРОВА.